

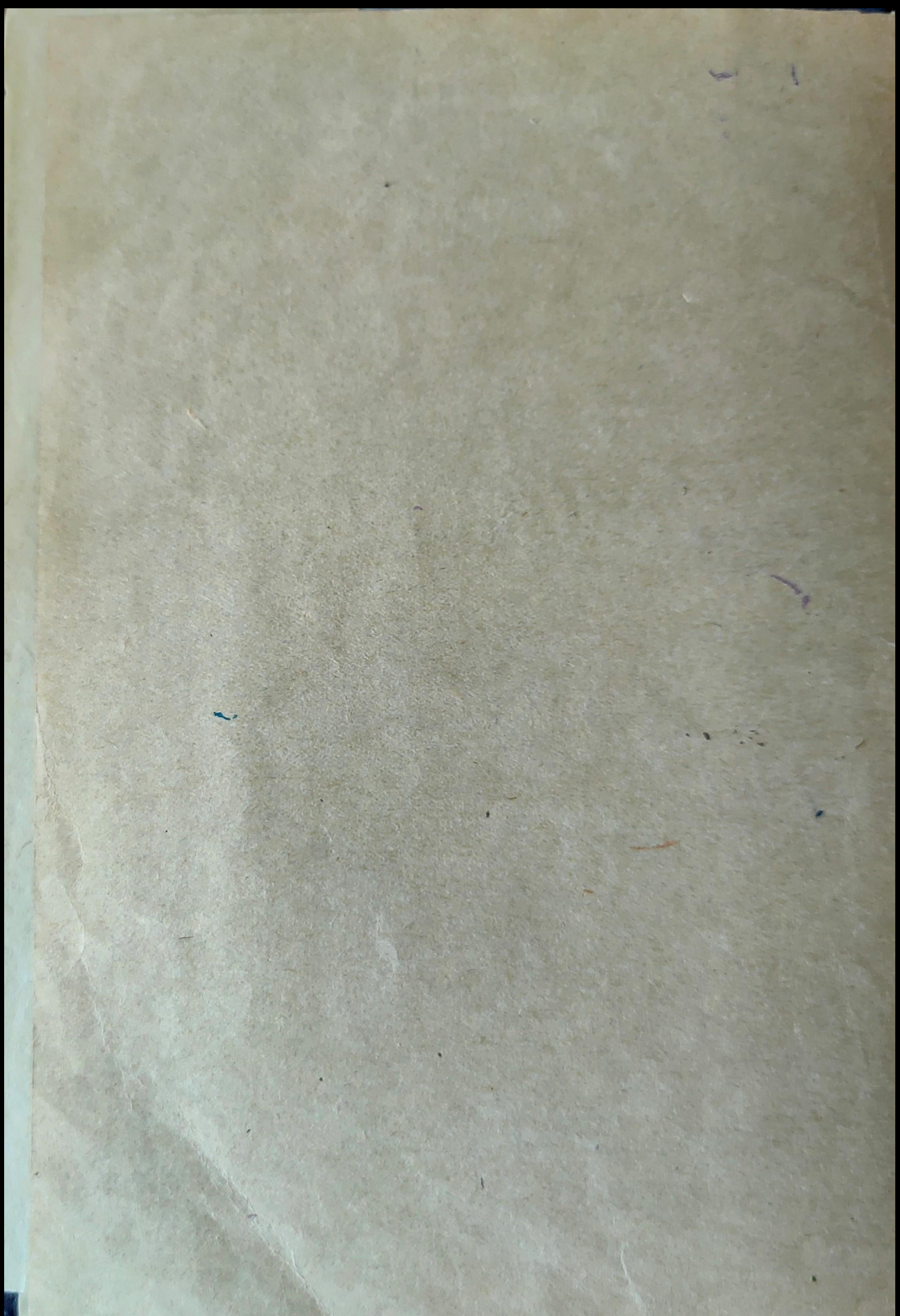
168
504
МУЗЕЙ ВОСТОЧНЫХ КУЛЬТУР
МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ АФГАНИСТАНУ

Ф. В. ГОГЕЛЬ

АФГАНСКИЕ КОВРЫ

МОСКВА

1929 г.

Ф. В. ГОГЕЛЬ

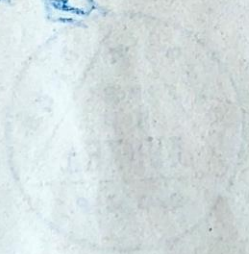
АФГАНСКИЕ КОВРЫ

МОСКВА
1929

Типография Кооператива
„Наука и Просвещение“
Москва, Остоженка,
Савельевский, 13.
Мосгублит 42750
Тираж 1000.
Зак. 1648

22-1990

Естественно - географическими условиями определяется ясно выраженный континентальный климат Афганистана. Высокое расположение над уровнем океана и незначительное количество осадков, резкие колебания температуры днем и ночью, летом и зимою — вот основные черты климатической характеристики, создающей исключительно четкие и устойчивые предпосылки для существования кочевого быта.

Палящее летнее солнце выжигает скудную растительность степей, в течение всего лета огромные массы населения, как во времена стихийных бедствий, устремляются из южных районов Афганистана в северные его области в поисках еще не выжженных пастбищ для своих стад, составляющих основное достояние кочевников. Как указывает Н. И. Вавилов (Земледельческий Афганистан, Ленинград, 1929, издание Всесоюзного Института Прикладной Ботаники и Новых Культур при СНК СССР и Государственного Института Опытной Агрономии НКЗ РСФСР), эти переселения по большим дорогам и тропам восточного, центрального и южного Афганистана представляют картины полного «переселения народов», движущихся со всем своим имуществом и стадами, на верблюдах, лошадях, ослах и пешком, — на новые места, порою за тысячу километров от своего прежнего становища. Общее количество кочевников, по приблизительному подсчету, доходит до 2 миллионов, т. е. составляет около четверти всего населения Афганистана. Частью они передвигаются в горы, частью идут в степи северного Афганистана в области, по своей природе схожие со степным пространством Средней Азии.

Некоторая часть афганского населения ведет полукочевой образ жизни. Переходя к оседлому существованию, кочевники, при наличии постоянного жилища, имеют также и кибитку, в которой ночуют летом и вместе с которой переселяются на пастбища на несколько месяцев.

Указанные климатические и социологические предпосылки определяют собою и вид утвари, необходимой для кочевников Афганистана:—это ковровые изделия, легко сворачиваемые при передвижениях; они не только удобно укладываются во вьюки, но и сами могут служить упаковочной оболочкой для других вещей. Плотные ковры с покрытой ворсом поверхностью служат прекрасной защитой от резких изменений суточной температуры в несколько десятков градусов; они одинаково защищают как от зимней стужи, так и от палящего летнего зноя.

Что касается разнообразия типов, применительно к их служебному назначению, то в Афганистане число этих разновидностей более ограничено, по сравнению с ковровыми изделиями кочевников Средней Азии. В то время, как, например, у туркмен в большем числе встречаются настенные мешки-чувалы, мафрачи, служащие для хранения вещей, на подобие комодов и шкафов, узкие ковровые полосы для укрепления кибиток и т. д.,— у кочевников Афганистана наблюдается полное преобладание относительно больших ковров для постилки на пол, и в относительно редких случаях встречаются ковровые завески входа в кибитку и переметные сумки-торбы. Это обстоятельство может быть объяснено тем, что значительная часть кочевников сохранила древнейший арабский тип черных палаток, а не кибиток; в этих палатках из свободно висящих наклонных полотнищ ткани не могут быть укрепляемы настенные мешки, применяемые в кибитках с вертикальными и более устойчивыми стенами.

Материалом для ковровых изделий Афганистана служит шерсть овец и коз, в изобилии доставляемая их стадами. Огромные количества шерсти лишь частично используются для местного производства, в том числе и для ковровых изделий, в значительной же массе шерсть вывозится за пределы страны. Северная Индия не только пользуется ввозимой из Афганистана шерстью для местного потребления, но и передает ее транзитом для вывоза в Европу, главным образом, через Бомбей.

Шерсть афганских стад отличается высокими качествами, лучшим ее сортам свойствен шелковистый блеск, делающий эти сорта особо ценными для изготовления ковров. Осо-

Бенно славится своими качествами шерсть в районах к северу от Герата.

По технике производства отличимы три основных типа ковровых изделий Афганистана: — наиболее примитивный представлен валяными войлоками — кошмами, следующий тип — тканые безворсовые ковровые изделия — паласы, и затем стриженные ковры с ворсом, представляющие высшую производственную разновидность народного творчества с наиболее ясно выраженной и развитой орнаментальной характеристикой. Этот последний тип и является теми афганскими коврами, которые экспортируются за пределы Афганистана в большом количестве и повсеместно известны как ковровые изделия Афганистана, которые по своей производственной характеристике занимают особое место в ковровом производстве всего Востока.

С древнейших времен выделка ковров является основной работой женщины в кочевом быту, но на ряду с этим в современном Афганистане работают и мастера — мужчины, которых группы кочевников периодически нанимают, по мере накопления шерсти, достаточной для выработки известного количества ковровых изделий.

Паласы и стриженные ковры вырабатываются на станках, войлочные же ковры-кошмы — без участия станков.

Их техника заключается в следующих основных процессах — разноцветно окрашенные нити пряжи раскладываются на землю так, чтобы они своим расположением образовали желаемый рисунок, после чего на эти нити слоями накладывается шерсть, смоченная особым клейким составом; после этого слой шерсти прижимается к пряже и вся кошма скатывается; ее проминают до тех пор, пока цветной рисунок нитей пряжи не вваливается в слой шерсти, образующей фон для этого рисунка.

Таковы общие приемы изготовления валяных ковров в Афганистане.

Техника кочевников в области изготовления кошем отличается от вышеописанной тем, что процесс валяния производится втапыванием ногами.

М а т е р и а л. Для изготовления стриженных афганских ковров применяется овечья и козья шерстяная пряжа, загото-

вляемая кочевниками самыми примитивными способами. Окраска также производится домашним кустарным способом, причем красителями служат преимущественно материалы из корней растений. Основным цветом, дающим общую колористическую характеристику, является темно-красный разнообразных оттенков; он получается путем окраски мариной, как и на территории Средней Азии. Кроме этих преобладающих тонов, лишь небольшое участие принимают синие также различной интенсивности, и совсем уже незначительными вкраплениями участвуют белые и еще реже — желтые тона, по большей части имеющие характер редких точек. Контур рисунка, мало выделяющийся на общем темном ковровом фоне, большею частью темно-коричневые из неокрашенной пряжи козьей шерсти. Наиболее ясно проявляется участие этой натурального цвета коричневой козьей шерсти в вертикальных кромках, окаймляющих большинство ковров узкими полосками безворсной ткани. Та же коричневая козья шерсть иногда принимает некоторое участие в пряже основы — она видна в готовом ковре на бахrome, выступающей в виде свободной висящих нитей пряжи по двум более коротким сторонам ковра.

Техника. Стриженные афганские ковры, также как и безворсные паласы, изготавливаются на горизонтальных станках. Технические приемы в общих чертах повторяют способы выделки, общие для других видов коврового дела, т. е. на натянутых на станке нитях основы по направлению линий утки завязываются мелкие узлы, попарно соединяющие нити основы. Концы этих узлов выдернуты и коротко и ровно подстрижены; они образуют лицевую бархатистую поверхность ковра. После каждого ряда узлов между нитями основы пропускаются нити утка, которые с лицевой стороны ковра остаются скрытыми стриженной поверхностью ворса.

Таковы в общих чертах крайне несложные технические приемы производства афганских ковров; так же примитивны и орудия производства; тем более замечательны технические и художественные результаты, достигаемые такими простыми кустарными средствами.

Орнамент. Основная характеристика коврового производства дается его орнаментацией, которая является сущ-

ностью этого вида народного творчества. Поэтому, исследование ковровой орнаментации имеет в высшей степени важное значение, так как изучением самих памятников материальной культуры могут быть подтверждены и окончательно обоснованы исторические и социологические первопричины, являющиеся базой, на которой выросло творчество данной страны.

Обращаясь к анализу орнаментации афганских ковровых изделий, мы, прежде всего, должны выяснить общий характер группировки их рисунка или их общий композиционный принцип. На рис. 1 изображен небольшой афганский

Рис. 1.

ковер, у которого средняя часть занята тремя крупными одинаковыми восьмиугольными фигурами, расположенными в один вертикальный ряд на гладком поле. Вокруг этого поля идет кайма более мелкого рисунка. По узким сторонам ковра идет короткая бахрома — это концы основы, которая на всем протяжении стриженной поверхности скрывается вер-

тикально стоящими нитями пряжи, образующей ворс—ее на рисунке не видно.

Такова в общем, схематизованном виде, композиция наиболее распространенного и высшего в производственном отношении коврового типа Афганистана.

Для иллюстрации вполне сознательно взят пример небольшого ковра, где в воспроизведении лучше выделяется форма и детали восьмиугольных фигур. Преимущественно же ковры бывают более крупных размеров и их среднее поле занято такими же фигурами, но идущими не в один, а в два и даже, по большей части, в три вертикальных ряда, причем по вертикали в одном ряду повторяется 6—7 таких фигур. Бортовые каймы более разнообразны по своему рисунку, они варьируют свои узоры, но никогда в состав этих рисунков не входят восьмиугольные фигуры из центрального поля.

Кроме того, в центральном поле между крупными восьмиугольниками часто встречаются фигуры, менее ясно выраженные, меньшие по размерам и имеющие как бы дополнительное, второстепенное значение. В некоторых коврах между стриженной частью и бахромой имеется полоса гладкой безворсной ткани красного цвета с одной или несколькими продольными синими полосами.

Анализ важнейшей орнаментальной восьмиугольной фигуры центрального поля я привожу ниже; в настоящее же время необходимо предварительно остановиться на рассмотрении бортовых, окружающих среднее поле коем, которые являются зачастую общими и для другого типа афганских ковров небольшого размера и специального назначения—завесок входа в кибитку и переметных сумок-торб.

Хотя общая композиция этих двух последних типов менее устойчива и в их центральном поле расположены иные рисунки, бортовые коймы весьма схожи с коймами больших ковров для застилки пола.

На рис. 2 изображена часть нижней горизонтальной каймы афганской завески входа в кибитку. Ковер этот отличается очень высокими производственными качествами, отборной шерстью, хорошей ее окраской, плотной вязкой, очень ровной стрижкой и прекрасным шелковистым отблеском, и по

совокупности ряда производственных и орнаментальных данных относится к началу 19 века.

На воспроизведенном рисунке его каймы в более широкой средней полосе ясно видны растительные формы — ряд повторяющихся вертикальных стеблей с отходящими от них ветвями. Аналогичные формы встречаются и на коймах больших половых ковров Афганистана, а также во множестве вариантов — в коврах Средней Азии, особенно на нижних коймах пендинских чучалов.

Рис. 2.

Крайне характерна для афганских ковров в их орнаментации коем узкая полоса, лежащая над только что описанной. Эта кайма воспроизводит цветочный рисунок, представляющий непрерывную, извивающуюся гирлянду из непосредственно примыкающих друг к другу повторений одного и того же цветка: в этом связном рисунке цветочная чашечка попеременно оказывается то в верхней, то в нижней части орнаментальной полосы.

Нижняя часть каймы рисунка 2 опять представляет ряд стилизованных повторяющихся вертикальных стеблей с симметрично отходящими и свешивающимися формами, возможно, колокольчиками.

На рис. 3 представлена вертикальная кайма того же ковра. Здесь между двумя уже описанными извивающимися

цветочными коймами в более широкой средней полосе проходит вертикальный стебель, от которого в обе стороны симметрично отходят направленные вверх линии с утолщениями на концах; при ближайшем рассмотрении эти завершающие формы оказываются маленькими стилизованными козлиными головками с загнутыми рогами. Вся трактовка этих голов в точности совпадает с трактовкой тех же форм на ряде старинных турмкенских ковров; при этом, нередко

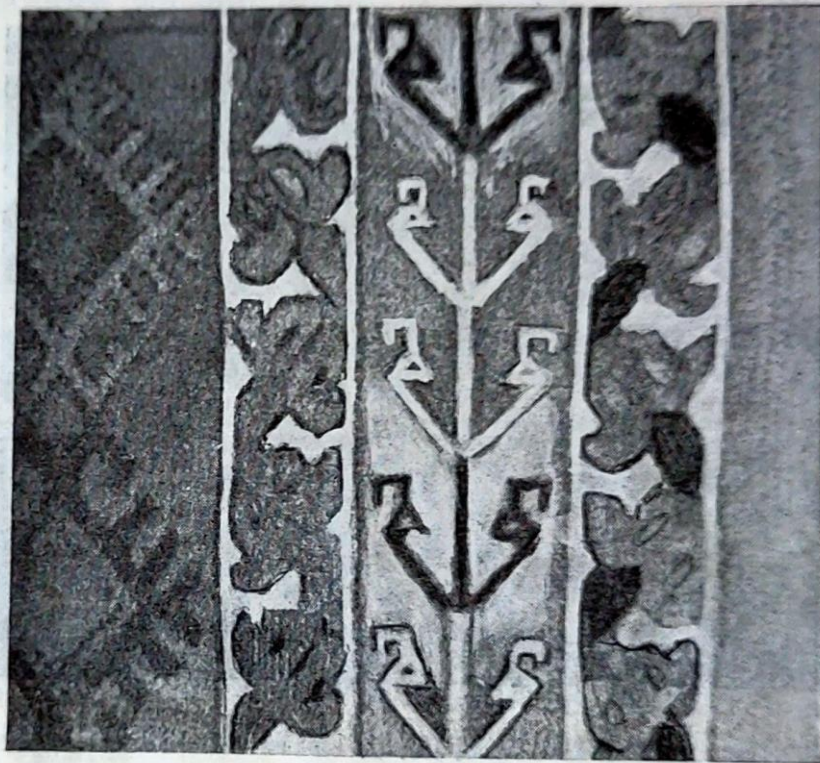

Рис. 3.

встречается слияние растительных и животных форм, переходящих одна в другую, как это имеет место и в данном случае.

Рис. 4 воспроизводит часть каймы афганской переметной сумы-торбы, где в связной извивающейся гирлянде, совершенно аналогичной рассмотренной цветочной, переданы сильно геометризованные листья.

Приведенные примеры свидетельствуют, что в рисунке коем афганских ковров повторяются мотивы, преимущественно заимствованные из растительной природы. Эти изображения растений встречаются в самых различных вариантах; при этом особенно часто и настойчиво повторяется отме-

ченный связный цветочный мотив, свойственный именно коврам кочевников Афганистана.

В этом мотиве, хотя и стилизованном, отсутствует прямолинейная геометризация растительных форм, столь распространенная в других рисунках, и цветочные формы здесь трактованы в круглящихся линиях.

Рис. 4.

Установление того факта, что ряд основных мотивов коем афганских ковров имеет своей базой формы природы, представляется крайне важным. Сильная геометризация формы мотивов кочевников, при первоначальном знакомстве с ними, затрудняет раскрытие их естественно-исторического происхождения, почему в литературе до сих пор постоянно встречалась характеристика орнамента кочевников, как чисто геометрического, и даже высказывалась гипотеза, что народам, находящимся на уровне низших форм производства, вообще присуща орнаментация исключительно прямолинейная и геометрическая, чуждая изобразительного значения.

Переходим к анализу орнамента центрального поля. Восьмиугольные орнаментальные формы, заполняющие правильными рядами среднее поле огромного большинства афганских ковров, представляют совершенно исключительный интерес. Аналогичные им рисунки, но лишь с некоторыми вариациями, встречаются на массе ковров Средней Азии; эти многоугольники составляют центральную, основную часть композиции миллионов ковровых изделий Афганистана и Средней Азии, почему раскрытие их сущности является очень важным для уяснения вопроса, что именно составляет базу всего рисунка главной массы ковров кочевников.

Такая восьмиугольная ковровая фигура на территории Средней Азии носит название «гуль» или «гюль» (перс.— роза, цветок). Отсюда некоторые исследователи и приняли название этого орнамента в таком смысле, и в ковровой литературе появилась терминология «текинская роза», «салорская роза» и т. д.. Но исследование народного творчества указывает, что современное наименование рисунка и его мотивов далеко не всегда отвечает его действительному значению. В одних случаях это так, а в других и нет. Бывают примеры, когда первоначальное название данного рисунка с течением времени утрачивается, и его современное наименование имеет чисто практическое, служебное значение для отличия его во время работы от других мотивов. Поэтому, всецело опираться на современные названия для определения происхождения орнамента никак не приходится, тем более, что не единичны случаи, когда одна и та же фигура одновременно имеет несколько различных и даже совершенно противоречивых по своему смыслу названий.

Очень показательны различные названия этих весьма схожих между собою фигур в Средней Азии и Афганистане. Так, кроме общего названия «гюль», они еще иногда называются и «сарык-гюль» т. е. роза в виде чалмы (турецк. сарык-чалма), а также и «сары-гюль» — желтая роза. В Афганистане же ковры с такими повторяющимися многоугольниками носят название «филь аяк» — «слоновые ноги», т. е. восьмиугольники как бы считаются следами ног слона. При этом следует отметить, что «сарык-гюль» и «сары-гюль», совершенно различные по своему значению, очевидно возникли без всякой связи с основным происхождением орнамента и даже, видимо, одно из них произошло из другого только по созвучию, давая рисунку совершенно другое истолкование.

Каково же истинное значение этих восьмиугольных фигур? Никак нельзя удовлетвориться принятием названия «гюль» за основание считать их стилизованной розой или вообще цветком — самая форма их совершенно в этом не убеждает, и пока лишь временно и предположительно можно принять в виде рабочей гипотезы, что это название свидетельствует вообще о растительном происхождении. Дальнейшее изложение имеет задачей раскрытие и уточнение их действительного значения.

На рис. 5 изображены три разновидности таких восьмиугольников, зарисованных мною с афганских ковров из коллекций Отдела Ближнего Востока Музея Восточных культур. Путем такого сопоставления возможно установить типичные черты их рисунка и подойти к уяснению их природы.

Общая характерная черта этих изображений—это повторяющиеся трехлопастные формы, завершающие собою прямолинейные стержни, расходящимися от одного общего центра в четыре стороны по направлению диагоналей. Это устремление в различные стороны по диагоналям неизменно повторяется во всех без исключения случаях и выражено в высшей степени четко.

Следующей характерной чертой является пересечение восьмиугольников по вертикальной и горизонтальной оси полосами, устремленными к общему центру, но никогда в этом центре не пересекающимися.

Необходимо особо отметить, что эти горизонтальные и вертикальные центральные полосы в двух примерах испещрены мелким поперечным полосчатым рисунком.

В первом восьмиугольнике, кроме отмеченного, весь борт сплошь заполнен удлинненными, параллельно расположенными фигурами с тонкими прямыми продолжениями по обоим концам.

Пока, до сравнительного анализа, эта характеристика не дает ключа к разрешению вопроса о природе этого мотива.

Но совершенно в ином свете представляются эти рисунки, когда мы их сопоставим с одним из основных типов персидских, так называемых, «садовых» ковров, изображающих план сада с разбивкой его на прямоугольные участки с ручейками, соединяющими небольшие бассейны, окруженные расходящимися в диагональных направлениях деревьям с плодами и цветочными клумбами. Эта разновидность персидских ковров, наравне с другими, исключительными по материалу, технике и художественным достижениям, относятся к расцвету коврового производства феодальной буржуазии Персии в 16—17 веках.

На рисунке 6 изображены три детали персидских ковров «садового» типа. Первые два — относятся к производству 17 века, а третий—к 18 веку.

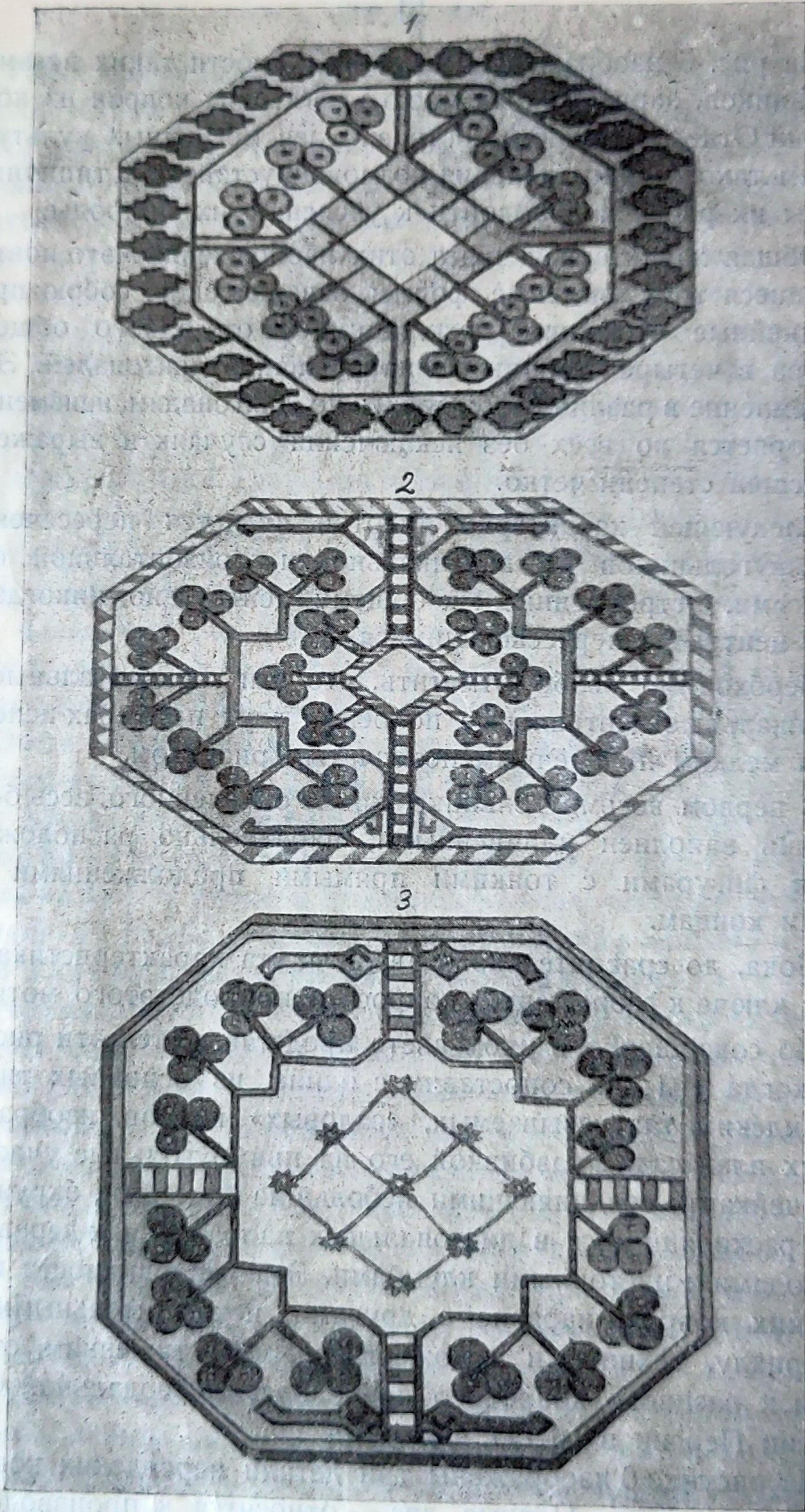

Рис. 5.

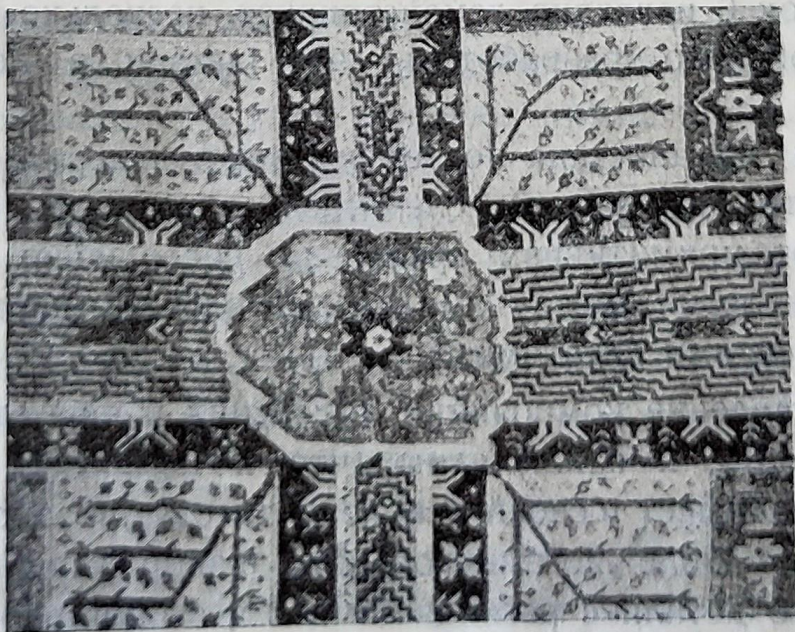
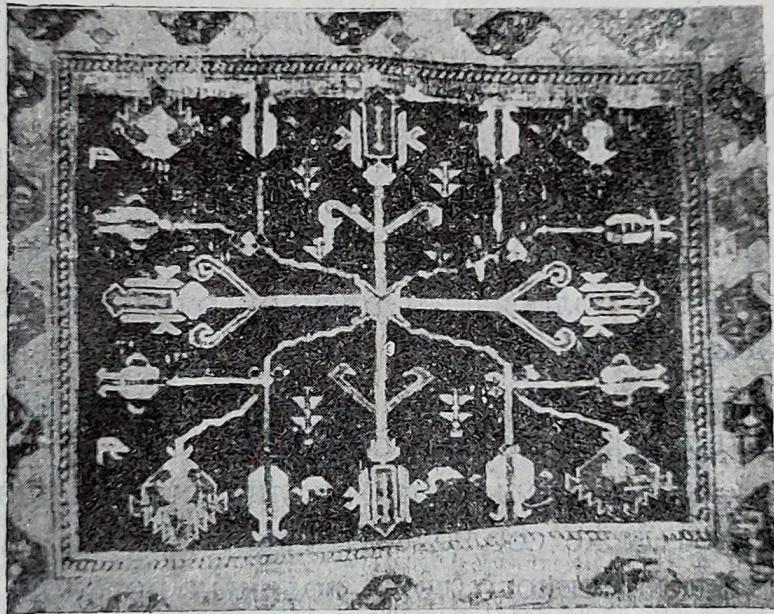
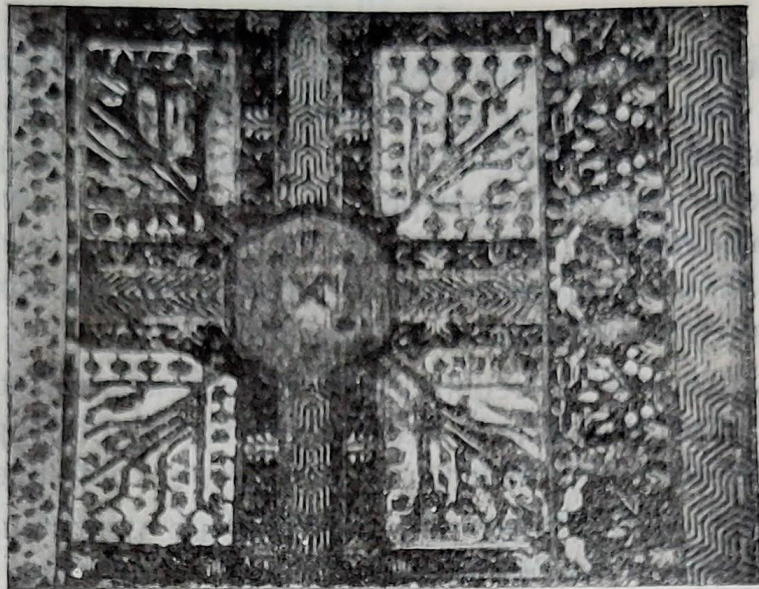

Рис. 6.

Несмотря на их разнообразие, мы сразу узнаем те же типичные черты, как и уже отмеченные на восьмиугольниках афганских ковров, а именно: устремление форм от одного общего центра в четырех диагональных направлениях; ясно выраженные (в первом и третьем) вертикальные и горизонтальные широкие полосы, испещренные полосчатым, струйчатым рисунком.

В детали же № 1 персидского ковра, кроме указанного, мы также узнаем, расположенные по борту, повторяющиеся круглые формы—это отходящие от ветвей деревьев плоды.

Персидские «садовые» ковры хорошо известны в научной литературе и неоднократно бывали подробно описаны.

Кроме основных черт — расходящихся по диагоналям растительных форм и ручейков, соединяющих собою небольшие водоемы, имеются детали в самых разнообразных вариантах; в одних случаях эти детали изображены более реально, в других — более условно, но основные приемы композиции сохраняются с большим постоянством.

Струйчатый и полосчатый рисунок ручейков объясняется тем, что, обычно, ложа их устраивались из каменных плит с насечкой, создававшей игру движущейся водяной поверхности. В литературе имеются описания восточных садов из современной действительности, вполне отвечающих такому плану, при чем даже соблюдены такие детали, как «струйчатая» насечка каменного ложа водяных потоков.

Рисунок 6 наглядно демонстрирует, насколько подробно и разнообразно разработаны эти детали в персидских коврах.

Ковры Афганистана повторяют все эти черты в несравненно более упрощенном, схематизованном виде, но, несмотря на этот примитивизм трактовки, совершенно очевидна полная аналогия между ними и персидским типом с более реалистическими деталями.

Сопоставление композиции афганских и персидских ковров приводит к заключению, что и афганская ковровая композиция имеет в своей основе план сада, и заполняющие центральное поле восьмиугольника изображают повторяющиеся его детали с расходящимися в стороны от находящегося в центре водоема растительными формами.

В сухом и жарком климате Востока, естественно, совершенно исключительное бытовое значение представляет тенистое и орошаемое место, почему его изображению уделяется столь большое внимание.

История указывает на древнейшее происхождение ковров садового типа. Арабский историк Табари рассказывает, что еще в 7 веке нашей эры существовал ковер, принадлежавший последнему из Сасанидских царей. Этот ковер отличался исключительными размерами и необычайным великолепием материала и техники. По описанию Табари, он был сделан из шелка, золота и серебра и заткан драгоценными камнями. Ковер изображал цветущий сад с ручейками, соединявшими небольшие бассейны, с деревьями в цвету; на деревьях были изображены птицы. Среди деревьев и водоемов пестрели цветы. Ковер этот назывался весенним и расстилался в большом зале дворца во время празднеств в течение зимнего дождливого сезона. После завоевания арабами-кочевниками государства Сасанидов и взятия их столицы — Ктезифона, этот знаменитый ковер был разрезан на части и поделен между победителями.

Хотя память об этом замечательном произведении коврового творчества и сохранилась в исторических описаниях, разумеется, было бы ошибочно полагать, что позднейшие персидские ковры садового типа являлись простым продолжением старинной ковровой традиции; правда, последнее мнение иногда высказывалось в литературе. Несомненно, садовая ковровая композиция, прежде всего, опиралась на то, что в современном быту существовали подобные сады, а их устойчивость, в свою очередь, определялась климатическими условиями Востока.

Точно также, и сходство рисунка афганских ковров с персидскими не свидетельствует о простом заимствовании; этот тип афганского народного коврового орнамента поддерживается тем выдающимся значением, которое сад играет в жизни стран Востока.

Очень важные и интересные в этом смысле сведения сообщает М. Андреев (Орнамент горных таджиков и киргизов Памира. Ташкент, 1928). По его данным, таджикские женщины расписывают стены своих жилищ рисунками, в высшей степени примитивными и условными, при чем здесь,

наряду с изображением целого ряда предметов окружающей природы, встречается и изображение сада, представленного в виде квадрата, разделенного накрест диагоналями. Это диагональное деление, все время наблюдаемое и в афганских и персидских примерах, крайне интересно, как постоянно связываемое с садом даже в самых его примитивных изображениях и, очевидно, связано с планом орошения.

В этом примере для нас очень существенным является, что изображение сада берется непосредственно из окружающей природы и никак не может быть объяснено простой приемственностью какой-либо производственной традиции.

В этой же работе М. Андреева имеются очень интересные данные, полностью совпадающие с приведенным анализом коврового орнамента, на первый взгляд чисто геометрического, но в сущности являющимся лишь стилизацией и геометризацией форм окружающей действительности.

Воспроизводя рисунки целого ряда мотивов орнаментации шерстяных чулок таджиков, М. Андреев вместе с тем сообщает и их названия. Принимая вышеприведенную поправку о возможности утраты в настоящее время некоторых первоначальных названий рисунков, все же крайне характерно, что эти названия сплошь, без единого исключения, относятся к реальным предметам из окружающей природы и быта; так, встречается целый ряд следов зверей — след волка, след тигра, след кошки и т. д., т.-е. наименования, исходящие из охотничьего быта. Кроме этого, имеется ряд растений, в том числе чинары. Затем, следует род предметов домашнего обихода — прялки, кувшины и т. д. При этом, во многих случаях обращает [на себя внимание полное соответствие названий с изображенными формами, которые переданы настолько реально, что их природа не вызывает сомнений.

Все изложенное приводит к следующим заключениям:

1. Орнаментация ковров Афганистана имеет в своей основе формы окружающей действительности.
2. В огромном своем большинстве афганские ковры изображают планировку орошаемого места — сада.
3. Совершенно аналогичное истолкование и путем тех же сопоставлений непосредственно распространимо и на массу

ковров Средней Азии, имеющих в своем центральном поле крайне схожие рисунки восьмиугольных фигур.

4. Раскрытие сущности народного коврового рисунка имеет не только обще-научное, но и практическое значение для современного коврового производства, усовершенствование и развитие которого должно базироваться не только на улучшение техники выработки, но и на установление характерных типологических черт орнаментации.

5. Твердое закрепление типологических орнаментальных черт народного творчества Средней Азии и Кавказа на базе научного-исследования имеет первостепенное значение для правильной постановки дела поднятия коврового производства на местах; это условие, несомненно, является ударной задачей современного ковроведения, ввиду того, что на местах, с утверждением нового быта и отживанием социологических предпосылок прежнего быта, определившего собою формы народного творчества,—наблюдается крайне опасная тенденция к полному смешению местной орнаментальной характеристики с посторонними орнаментальными элементами. В результате этого, при наличии под'ема технического качества, появляются гибридные, смешанные орнаментальные типы, ведущие ковровое дело по пути к художественному упадку.

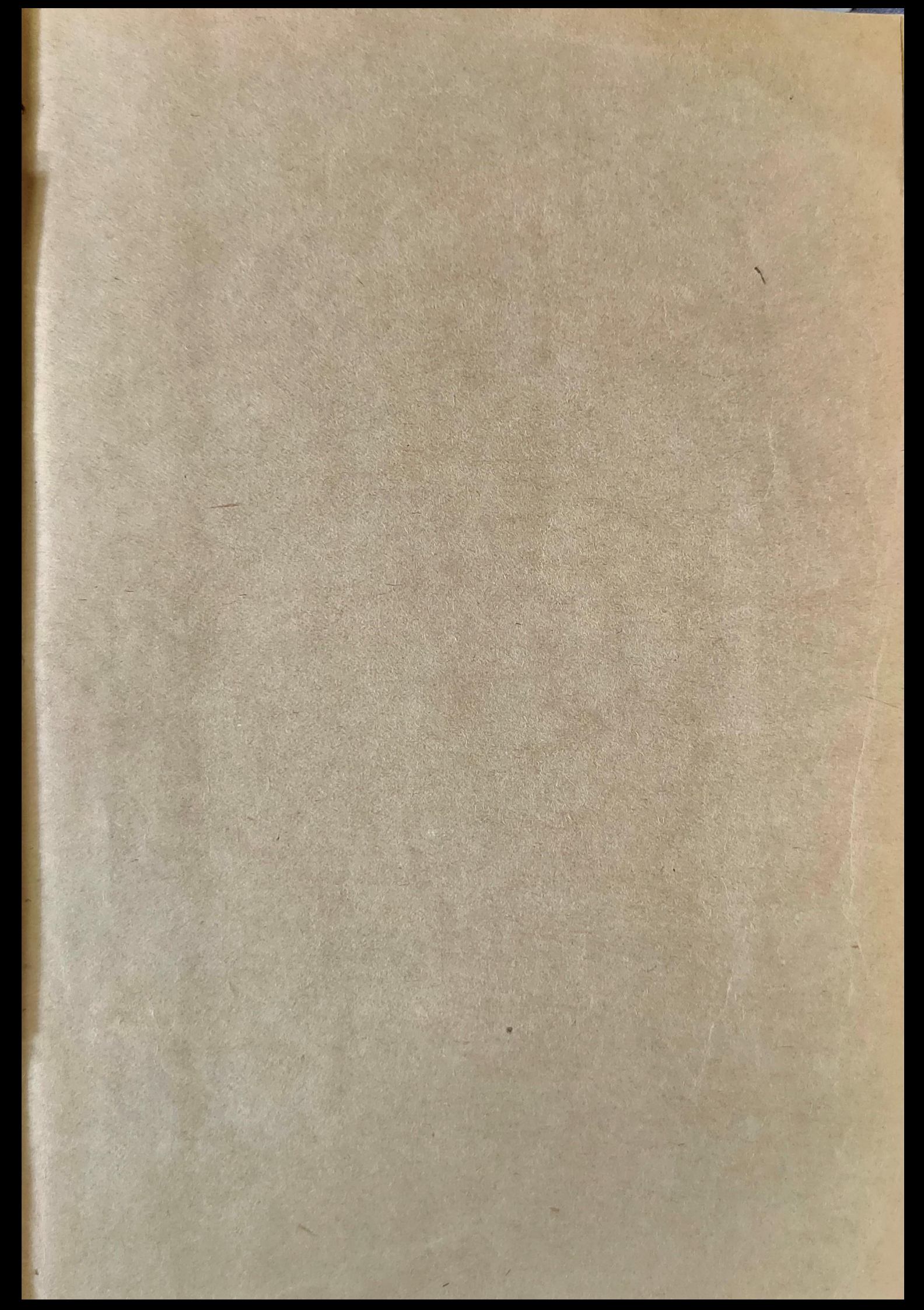
6. Срочное принятие указанных мер имеет экономическое значение, так как современные ковры представляют материал для экспорта за-границу, и улучшение качества продукции в высшей степени важно для укрепления экономической базы коврового производства на местах.

Подобным же темам о растительном и животном происхождении и эволюции орнамента туркменских ковров посвящены мои статьи: «Туркменский ковер». Москва, 1927 и „Some Turcoman Carpets and their ornamentation“. Burlington Magazine, 1927, Май. Лондон.

На открытой в мае 1929 года выставке Музея Восточных Культур «Афганские ковры» показано 15 ковров производства от начала 19 до начала 20 века. Экспозиция освещена

подробным комментарием из текстов, фотографий, изображающих быт кочевников, а также зарисовок и фотографий, выясняющих происхождение орнамента ковровых изделий Афганистана.

Настоящая работа в литературной форме развивает и подтверждает тему, положенную в основу плана данной выставки.

Цена 25 коп.

15719

15